АНТ. ЛАДИНСКИЙ

РОЗА И ЧУМА

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

Р И Ф М А

ПАРИЖ

АНТ. ЛАДИНСКИЙ

РОЗА И ЧУМА

ПЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

РИФМА
ПАРИЖ
1950

Когда средь бури сравниваю я
Свою победу с пушкинскою славой,
Мне кажется ничтожной жизнь моя,
А сочинение стихов забавой.

Зима? Воспета русская зима.
Кавказ? Воспето гор прекрасных зданье,
И в тех стихах, где «розы и чума»,
Мы как бы слышим вечности дыханье.

Горам подобна высота стола,
И утешеньем служит за горами,
Что ты слезу с волненьем пролила
И над моими темными стихами.

1946

Свой дом ты предпочла тому,
Кто новый мир открыл,
Ты выбрала себе тюрьму
В краю приморских вилл.

Но в этом доме (моря гладь
И очень много роз)
Чего-то будет нехватать,
Каких-то бурь и слез.

О, льется времени вода,
А нам забвенья нет!
Ты не забудешь никогда
О том, что был поэт!

О, как шумел над головой
Печальный ветер скал,
Когда он говорил с тобой
И руки целовал!

Порой, в невероятных снах,
Где все наоборот,
Услышишь ты как в облаках
Прекрасный голос тот.

Проснешься ты как бы от гроз,
И будет в тишине
Подушка мокрая от слез,
Что пролиты во сне.

1939

Как две планеты —
Два огромных мира:
Душа с душою
Встретились, коснулись
Как путники среди пустынь Памира
И вновь расстались, разошлись,
Проснулись.

Но мы успели рассмотреть в волненьи
Все кратеры, все горы и долины,
Песок тех рек и странные растенья
На берегах из розоватой глины.

И, может быть... Как в тихом лунном храме
И в климате насыщенном пареньем,
Заплаканными женскими глазами
И на меня смотрели там с волненьем?

И удивлялись, может быть, причине
Такой зимы, тому, что — снег, что хвоя,
Что мы в мехах, фуфайках и в овчине,
Что небо над землею голубое.

1939

НАЕЗДНИЦА

Ты птицею в тенетах трепетала,
Всего боялась — улиц, замков, скал.
Пред зеркалом прическу поправляла,
Как собираясь на придворный бал.

Ждала тебя как в книге с позолотой,
Как в сказке, — хижина и звук рогов,
Волненья упоительной охоты
И шум метафорических дубов.

Как ножницами вырезаны листья
Деревьев, что торжественно шумят,
Как римские таблички для писанья
Покрыты воском, как латынь звенят...

Наездницей летела ты в дубравы,
Шумели бурно книжные дубы,
И, может быть, сиянье милой славы
Уже касалось и твоей судьбы.

1940

Все гибнет в холоде зиянья:
Корабль в морях, цветок в руке,
Все эти каменные зданья,
Построенные на песке.

Все хижины и небоскребы,
Нью-Иорк и дом, где жил поэт.
Подвалов черные утробы
Останутся как страшный след.

Но, может быть, в литературе
Хоть несколько моих листков
Случайно уцелеют в буре,
В которой слышен шум дубов.

И женщины прочтут с волненьем
Стихи о том, как мы с тобой
С ума сходили в упоеньи —
В бреду, в постели голубой.

1941

Ты жила,
Ты любила,
Ты мирно дышала,
Но над этим физическим счастьем
Гроза
Как милльоны орлов
Возникала,
И катилась
В пространствах вселенной
Слеза.

В той стране
Возвышались прекрасные горы, —
Там, куда я тебя
Сквозь бессонницу звал.
Мне казалось,
Что это органные хоры,
А тебе снились платья
И кукольный бал.

В той стране
На ветру раздувались рубашки.
Клокотали вулканы
И билась душа.
Ты спокойно поставила
Чайные чашки
И пшеничный нарезала хлеб неспеша.

Я тебе говорил:
— О, взгляни на высоты!
О, подумай,
Какая нас буря несет!
Ты ответила,
Полная женской заботы:
— Ты простудишься там,
Средь холодных высот!

Было ясно:
В каком-то божественном плане
Разделяют нас горы, пространства, миры.
И в объятьях твоих я один
Как в тумане —
Альпинист
У подножья прекрасной горы.

1941

Хорошо, когда о пище
Забывает человек,
Бредит в ледяном жилище
Африкой, а в мире — снег.

Хорошо витать в прекрасном,
Вдохновляясь как герой
Чем нибудь огромным, страшным —
Бурей, музыкой, горой.

Скучно, если все — в теплице.
Если в жизни наперед
Нумерованы страницы
И расчитан каждый год.

Только тем, что непохожи
На других, на всех людей,
Жребий дан из царской ложи
Созерцать игру страстей,

С высоты на мирозданье
Потрясенное взирать
И в театре, где страданье,
Больше всех самим страдать.

1941

МЭРИ

Л. Е. Гюльцгоф.

Ты в мире как в море,
Где черные хмары.
Ты — Мэри, ты — в хоре,
Где голос Тамары.

Ты — ласточка в буре,
Где парус весь в дырах
И гибель лазури.
Ты — кровь на мундирах.

Но в мире, омытом
Твоими слезами
И бурей разбитом,
Восходит над нами —

Над домом невежды,
Над замком поэта —
Светило надежды
Под щебет рассвета.

И в море страданья, —
Мы знаем, — как реки
Два чистых дыханья
Сольются навеки.

1944

КРАСАВИЦЕ

Твоя душа — прекрасный
Пустой огромный зал,
Где мрамор беспристрастный
И холодок зеркал.

Таких размеров рамы
Задуманы судьбой
Для музыки, для драмы,
Для бури голубой.

В таких холодных зданьях
Витает тишина,
И в окнах как в зияньях
Плывет всю ночь луна.

Но вспыхнет люстр хрустальных
Сияний миллион
И в грохотах рояльных
Мир будет потрясен.

Так и твое дыханье:
Полюбишь ты потом
И музыкой страданья
Наполнится твой дом.

1941

ГОРА

Под звездами и облаками
Стоит высокая гора —
Чистейший снег в альпийской раме,
Тирольского рожка игра.

Ты там живешь. Почти в небесной
Стране из ледников и троп,
Склонив над пропастью телесной
Высокий и прекрасный лоб.

Двух данных точек расстоянье
Мы постигаем на лету,
Но хватит ли у нас дыханья
Взойти на эту высоту?

Теодолит есть глаз науки...
Но цифрам всем наперекор
Мы к счастью простираем руки,
И я иду на приступ гор.

1941

ЗИМА

В моей стране, средь бурь и зим,
Стоит дубовый прочный дом.
Валит из труб высокий дым,
И есть тепло в жилище том.

Как бедный путник одинок,
Когда вокруг холодный снег...
Узрев в окошке огонек,
Попроситесь вы на ночлег.

Хозяин отопрет вам дверь.
Вы скажите, что вы поэт,
Что дом ваш — мир, но крыши нет,
Что холод как жестокий зверь.

Вы скажите: — Мой путь в стихе,
Я шел, где пальмы, где Урал,
Но заблудился в чепухе
И в этот зимний мир попал...

1945

В ЦАРСТВЕ ПЕРНАТЫХ

Л. Е. Гюльцгоф.

Такая малая она на вид,
Но таковы небес большие планы:
Немного перышек, а так летит
Ее душа в возвышенные страны!

И как она умеет жить и петь!
С горошиною в горле, со слезами,
Сильнее, чем больших оркестров медь,
С закрытыми от нежности глазами.

Такой, что рвется в высоту небес,
Не наш курятник нужен и не клетка,
А весь огромный мир и лунный лес,
Концерт, а не болтливая соседка.

1944

ПОЭТ

Не во дворце и не в шелку
Он пишет каждую строку.
А в бедной хижине, в плюще,
В дырявом голубом плаще.
На чердаке огонь горит.
Поэт, он на соломе спит.

Но жизнь поэта не кровать,
Чтобы лениться или спать,
А важный и высокий труд
И над стихом народный суд.

Не ошибется Судия,
Во мрак забвенья низведя
Посредственность и пустоту
И малодушную мечту.

1940

БЕГЛЯНКА

Л. Е. Гюльцгоф.

Чтоб жить — терпение воловье.
И зная твой непрочный дом,
И слабое твое здоровье,
Я беспокоился о том,

Как ты перелетишь темницу,
Покинешь этот скучный бал
И ночью перейдешь границу,
Где черный лес и много скал.

В лесу железные колючки
Рвут жадно платье из тафты,
Но спряталась луна за тучки,
И тенью проскользнула ты.

Потом, пролив слезу как братья,
Найдут средь терний пастухи
Кусочек голубого платья,
В бутылочке твои духи,

Твой милый голос в ранней птице,
Под дубом туфельку твою,
Но ты уж будешь заграницей, —
В Италии или в раю.

1945

Я думал: жалок человек!
Ничтожный план, пустое место!
А ведь какой высокий век —
Герои из такого теста!

Он жил средь суеты земной,
Весь беспокойство и сомненье,
И слышался ему порой
Какой то голос или пенье.

Да, маленький переполох —
Жизнь человека, образ дыма,
Бесцельная, как слабый вздох.
Но эта жизнь неповторима.

1939

Все тяжелее с каждым годом воз,
Не ласточка, а трудный перевоз.

Шумит полет небесных голубей
И синева от них еще синей.

Гремит безоблачный высокий гром
И в горле от стихов рыданий ком.

Но ничего не слышит слух людей —
Ни грома, ни стихов, ни голубей.

О как самодоволен этот мир,
Та улица, где окнами квартир

Глядит на вас в геранях счастья жар,
Семейный мир и душ ленивых пар!

И ты напрасно голос надрывал,
Когда людей средь ночи поднимал.

1939

Среди стихотворенья
Я потому поэт,
Что создал мир как пенье,
В котором кашля нет.

Искусственный немного,
Быть может; не такой
Огромный как у Бога,
Но мир особый, мой.

Суровый мир и мало
Пригодный для мольбы,
Где ледники и скалы
И римские дубы,

Где воздух, хвоя, срубы,
И холод всех вещей.
И я не в теплой шубе,
А в голубом плаще.

1939

ПЧЕЛА И РОЗА

Твою судьбу поэт сравнил с цветком,
А жизнь свою с непрочным мотыльком.
Поэт стихи об этом сочинил,
Их соловей на ноты положил.

Но ты постолько голубой цветок,
Посколько я твой белый мотылек,
Твоя трудолюбивая пчела —
Тобою вдохновленные дела.

1947

*

Жизнь наша как луг, где скосили
Былинки железной косой.
Как партия в шахматы. Или
Как битва, где умер герой.

И в жизненной битве едва ли
Закован в броню человек,
И пусть мы игру проиграли
И даже умолкнем навек,

Но в битве имеет значенье
Не гибель, не раны, не страх,
А то лишь, за что мы в волненьи
С оружием гибнем в руках.

1941

ПОЭМА О СЫРЕ

Земной кусочек сыра,
Ты баснословным стал.
Ты — весь в слезах и дырах —
Взошел на пьедестал.
Ты доказал Европе,
Что брюхо выше лир,
Что стройной антилопе
Предпочитают жир.
Европа, ты у лавки
Средь кумушек других
Шептала в этой давке
Полузабытый стих,
Ждала с большим волненьем
Трагичного конца,
Смотрела с умиленьем
В глазища продавца.
Вдруг, может быть, ворона
Раскроет глупый рот,
И сыр, а не корона
На землю упадет?
Как принц — кусочек сыра:
В сиятельных слезах.
Как плащ поэта: в дырах,
Воспетый мной в стихах.

1941

Жизнь — это счастье. В синюю полоску
То платье, где оно живет.
Пусть парикмахер римскую прическу
Придумает, тебя завьет!

Пусть будет мир шуметь зеленым древом
На берегу того ручья,
Где рыбка в сказке приплывает к девам,
И тихо плещет жизнь твоя!

Пусть будут как органные рыданья
Губной гармоники лады,
Пусть птичьим шумом, ветром и дыханьем
Наполняться твои сады!

Пусть нажимают медные педали
И раздувают в кузницах мехи;
Будь музыкой в большом концертном зале,
Чтоб написали о тебе стихи!

1945

ЛИРИЧЕСКИЙ ТЕАТР

1

Я — зритель. Я — слушатель пенья.
Огромный спектакль предо мной:
Прекрасная драма творенья,
Где гибель, но свет голубой.

Я в лучшем театре вселенной
Сполна заплатил за билет,
За зрелище это, за тленный
Свой праздник, за несколько лет.

Я — в кресле из красного плюша,
Я в зрительном зале, дружок,
Где все голубое, где суша —
Подмостки, а море — пролог.

Мы слушаем в виде вступленья
Высокую музыку гор.
Зеленых деревьев смятенье
Средь бури родил дирижер...

2

Жизнь — ветер, листок и орешек.
Живи, мой дружок, на горе,
И много букашек и пешек
Участвуют в этой игре.

А страшный финал — это слезы
Над спящей в гробу красотой,
Но лишь катастрофа средь прозы
Вдруг делает жизнь высотой!

О ты отлетаешь навеки!
Вокзал полон дыма и роз!
Рыданий хрустальные реки
Текут! И трубит паровоз!

И в этих безмерных утратах
Я маленькой пешкой стоял
На черных и белых квадратах
Вокзальных и шахматных зал.

1941

Не требуйте от глупой птицы,
От курицы, чтоб этот жир
Вдруг стал подобием орлицы
И с облаков взглянул на мир.

Ей жить приятно за оградой,
В курятнике, вдали от бед,
Ей небо кажется громадой,
Где милых куч навозных нет.

Вполне довольна прозябаньем
Ее куриная душа,
По мнению ее — страданье
Не стоит медного гроша.

Она не знает в упоеньи,
Что в лаврах ей, но не в венке,
В ближайшее же воскресенье
Вариться в суповом котле.

1940

ИЗ ГОЛУБОЙ ТЕТРАДИ

1

Всю ночь под лампочкой убогой
Он пишет и читает вслух.
Его владенья — стол трехногий
С чернильницею, полной мух.

Но в темноте он воспевает
Блаженный солнечный восход,
И муза нежно отирает
Со лба пылающего пот.

2

Значит, ты не червь, не раб, не прах,
Если ты страдаешь так, созданье,
Если слезы на твоих глазах
И обуглен рот, твое дыханье...

1939

ЗИМОЙ

Все в инее. Летит экспресс
Средь пихт и лиственниц Сибири.
Летит! Вечнозеленый лес,
Как бы в охотничьем мундире,

Глядится в зеркало зимы.
Олень прекрасными глазами
Глядит на горизонт. А мы
Как дети тешимся снежками.

Влетает поезд в белый сад
И лучших на земле румяных
Сибирских молодых солдат
Везет, как в северных романах.

Они поют под стук колес
И на гармонии играют.
Под музыку о царстве роз
Деревья в инее мечтают.

Под музыку среди древес
Летают белки как по вантам,
Сороки украшают лес
Подобно черно-белым бантам.

Лиса ушами шевелит,
И тяжко думают медведи, —
С лисой, что в баснях все хитрит,
Они крыловские соседи.

Садится птица на суку
Вся в черно-белом опереньи,
И с ветки горсточка снежку
Вдруг падает. Как в сновиденьи!

Вся эта русская зима,
С морозом и оледененьем,
Не безнадежность и не тьма,
А крепкий сон пред пробужденьем.

1944

В беседе пылкой
Любя весь мир
И за бутылкой
Устроив пир,

Сошлась в трактире
Одна семья —
На братском пире
Компания:

Любовь, бродяжка
И стихоплет,
И деревяшка —
Все свой народ.

Солдат про славу
Нам говорил,
Как по уставу
Он кровь пролил.

Себя настроив
Как на хорал,
Про век героев
Поэт сказал.

Но пусть пшеница
В полях шумит,
И на странице
Перо скрипит,

Пусть пахарь плугом
Вздымает век,
И мир к лачугам
Слетит навек.

1939-1949

Ты — ниже травинки и тише воды.
Подобная жизнь — как букашка —
Ползет и трепещет у края воды,
И радость ее — полевая ромашка.

И люди глядят с олимпийских высот
На это старанье, пыхтенье и муки,
На этот безвольный и маленький рот,
На эти неловкие слабые руки.

Но в грозной акустике царственных зал,
В оркестре любви и в садах мирозданья,
И твой небольшой голосок прозвучал
Негромкой, но чистою нотой страданья.

1946

Прославим гений Пушкина!
Рассвет над Альпами!
Суворова в алмазах!
Да чтут народы гром его побед
И петушиный крик в его проказах.

Прославим книжный труд,
Любовь к стихам
И честные рабочие мозоли!
Восходит пушкинское солнце там,
Где весь народ как бы в огромной школе.

Учитесь, дети!
В школьной тишине
Пишите в ученической тетради:
— Наш гений — Пушкин...
Гремят в огромной вышине
Стихи его на голубой эстраде.

1945

Ты — остров в пальмах,
Непонятный стих,
Земля, где не бывало человека.
И в тихой бухте
Серых глаз твоих
Стоит корабль XV века.

Тяжелый якорь опустив на дно,
Глядят
Мечтательные мореходы,
Как в вымытое хорошо окно, —
На свежесть
Этой пальмовой природы.

Какая свежесть!
Утро стихотворных строк!
Какие раковины! Перед нами
Летит
Цветкообразный мотылек
Над бабочкоподобными цветами.

1947

ПУШКИНУ

Он сделал гордым наш язык, а нас
Он научил быть верными в разлуке.
И как Онегин миллионы раз
России нашей мы целуем руки!

Какая жизнь была ему дана —
Глоток «Аи» и всех страданий чаша!
Струилась — вся прозрачная до дна —
Река его стихов и радость наша.

Какой был дан ему прекрасный дар
Воспеть свободу на своих страницах,
Дыханья человеческого пар
Вдруг солнцем озарить, как мрак в темницах!

И перечитывая вновь и вновь
Его слова о славе и свободе,
Воспринимаем чище мы любовь,
Возвышеннее мыслим о природе.

1947

ЦВЕТЫ ПОД ДОЖДЕМ

Серебряный дождь перестал
Звенеть и по стеклам струиться.
Вновь вымытый, мир засиял
От капель и слез как теплица.

Ты шумно закрыла свой зонт.
А в пурпуре, где горизонт,
Там солнце шипело и гасло,
И автомобильное масло,
Пролитое в луже,
В том мире, где смертью напрасной
Погиб под дождем мотылек,
Вдруг радугой стало прекрасной...

Иль Ладогой, где огонек,
Сказал бы трехлетний ребенок,
Взлелеянный в неге пеленок
Как теплый цветок.

1946

Пушкин прославил тебя стихами.
Пушки во славу твою гремели,
Ядрами били в Казань,
И алмазные звезды
Сияли средь черных твоих небес.

Миллионы людей
Ради тебя умирали,
Горели в огне,
Гибли на кораблях,

И эти страданья
Пушкин с тобой разделил,
Когда умирал он,
Прикрытый плащем,
Твой первый поэт
И самый любимый твой сын.

Когда приходят мысли
О гибели и страх,
Не трепещи! Помысли,
Что ты не только прах,

А некое сиянье
В бессмертном веществе,
Что ветерком дыханья
Прошелестит в листве.

И потому, что гробом
Кончается наш путь,
С волнением особым
Подумать не забудь

О том, что в этой жизни
Всего дороже нам, —
О верности отчизне
И о любви к стихам...

О, с нежностью печальной
Как розу или плод
Садовник гениальный
Взрастит нас и сорвет.

1949

ПАМЯТНИК

Все может быть! На заседаньи чинном
Мне памятник потомки вознесут
И переулок в городке старинном
В честь бедного поэта назовут.

Так, — скромный бюст, подобье человека,
В напоминанье стихотворных дел, —
В том скверике, где на углу аптека,
Где некогда я с книжкою сидел.

Собранье, бюст, министром просвещенья
Прочитанная по бумажке речь.
Потом — зима и тишина забвенья,
Снежок на бронзе голых римских плеч.

У памятника песик в надзиданье
Поднимает ногу, милой жизни рад,
И школьница для первого свиданья
Назначит этот неприметный сад.

Прочтет прохожiй: «Антонин Ладинский»...
И пустит мне в лицо табачный дым,
И буду я с улыбкою латинской
Смотреть на мир, завидуя живым.

1947

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ АНТ. ЛАДИНСКОГО

"Черное и голубое" — 1-ая кн. стихов. Изд. "Соврем. Записки", 1931 (разошлось).
"Северное сердце" — 2-ая кн. стихов Изд. Парабола. (Разошлось).
"Стихи о Европе" — 3-я кн. стихов (разошлось).
"Пять чувств" — 4-ая кн. стихов. Изд. Y.M.C.A. (разошлось).
"XV легион" — роман. Изд. "Русская книга" (разошлось).
"Голубь над Понтом" — роман. Изд. "Русская книга" (разошлось).
"Путешествие в Палестину" — путевые очерки (разошлось).

В РУКОПИСИ:

"Анна Ярославна и ее время" — биография.
"Парфянская война" — роман.
"Взирая на лилии" — исторический этюд.
"Владимир Мономах" — биография.

СЕРИЯ СБОРНИКОВ «РИФМА»

В первую серию сборников "Рифма" входят следующие книжки стихов:

Вадим Андреев. "Второе дыхание".

Георгий Иванов. "Портрет без сходства".

Вл. Корвин-Пиотровский. "Воздушный Змей".

А. Ладинский. "Роза и чума".

Ю. Мандельштам. "Годы".

Ю. Терапиано. "Странствие земное".

Игорь Чиннов. "Монолог".

А. Шиманская. "Капля в море".

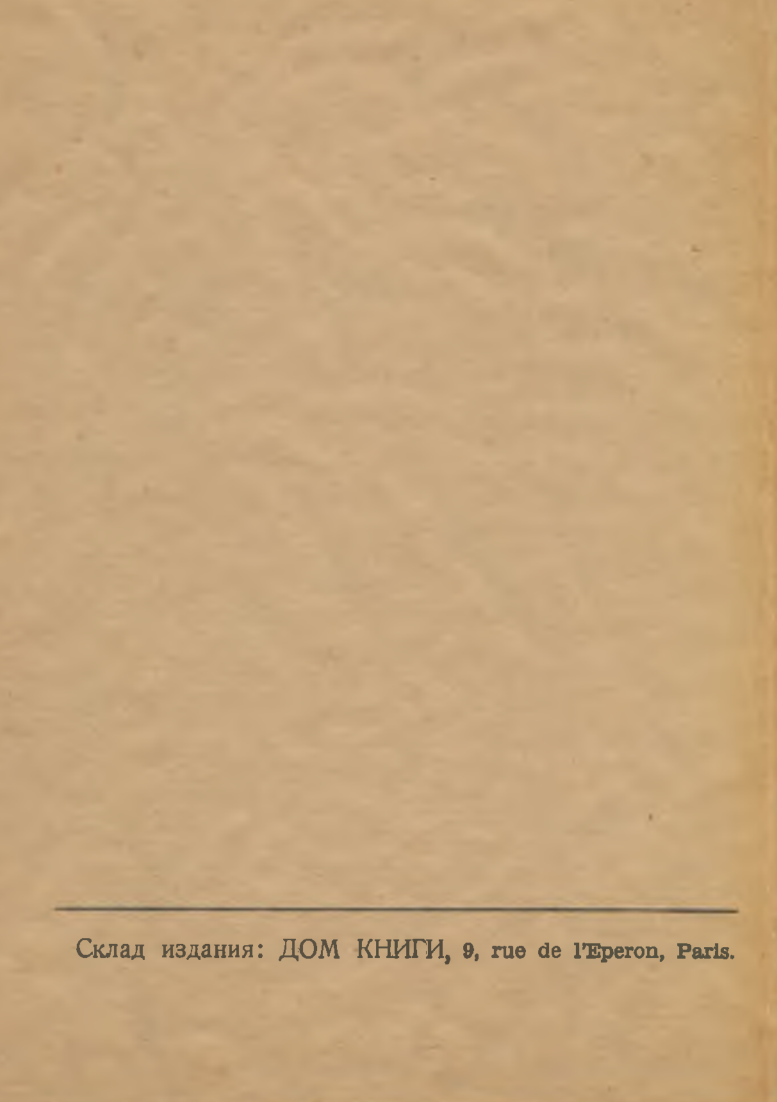
Анатолий Штейгер. "Дважды два четыре".

Е. Щербаков. "Свет и камень".

Ирина Яссен. Третья книга стихов.

Окончена печатанием
20 июня 1950 г.
в Париже.

Imprimerie S.N.I.E., 32, rue de Ménilmontant, Paris (20e).

Склад издания: ДОМ КНИГИ, 9, rue de l'Eperon, Paris.